

*Бочаров А.А.,
доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого*

«Клёшники»: к изучению субкультуры матросов военно-морского флота периода Революции 1917 года и Гражданской войны в России

Запись от 20 апреля 1919 г. в книге И.А. Бунина «Окаянные дни»: «Закрою глаза и все вижу, как живого: ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, на ногах бальные туфельки от Вейса, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей...»¹.

Цитата рисует колоритный облик революционного матроса периода Революции 1917 г. и Гражданской войны. Подобный портрет рисуют и многие другие мемуаристы, описывавшие события тех лет. Попробуем разобраться в том, каким образом военнослужащие, обязанные, казалось бы, строго соблюдать форму одежды, неожиданным образом стали законодателями новой, революционной моды, какие социально-психологические явления скрывались за этим. Не является ли этот полукарикатурный облик лишь частным проявлением того, что можно было бы назвать субкультурой матросов отечественного военно-морского флота.

Нельзя сказать, чтобы об этом никто прежде не писал. Так, подобные явления, получившие название «клёшничества», упоминались в некоторых исследованиях, посвященных повседневной жизни и культуре различных слоев населения революционной и послереволюционной эпохи².

Обычно они связывались именно с обстановкой революции и Гражданской войны.

Интересовались и интересуются этим явлениям и представители художественной среды. Так, современный писатель М. Кураев пишет:

«Кто служил в армии, тот знает цену таким, с гражданской точки зрения, мелочам, как чуть-чуть суженные или расширенные против нормы

клеши, чуть укороченный или опять же удлиненный бушлат или доведение края бескозырки до бритвенной остроты. В этих движениях своей воли, своей инициативы и вкуса, строго ограниченная уставом и глазом начальства, трепещет жаждущая своей отдельной, особой, ни на кого ни похожей судьбы личность, ставшая номером боевого расчета, приведенная ко всеобщему знаменателю присягой, уставом и формой»³.

Но у нас речь пойдет не об индивидуальных особенностях внешности матросов, а об определенных типичных чертах их облика и поведения, свойственных определенным группам в длительный период. С этой точки зрения есть основания рассматривать «клёшничество» как одно из проявлений матросской субкультуры, зародившейся еще в XIX в.

Источники позволяют предположить, что становление некоторых черт матросской субкультуры относятся к второй половине XIX века. В связи с этим любопытна, например, история возникновения и бытования в русском флоте обычая производить татуирование. Возможно, формирование этой традиции связано с кругосветными плаваниями русских кораблей в первой половине и середине XIX в. Именно тогда матросы и офицеры могли познакомиться с обычаями, существовавшими в дальневосточных странах и на островах Тихого океана, и перенять у их жителей практику татуирования. Татуировку на теле матросов и офицеров могли делать и татуировщики-профессионалы в портах Китая и Японии. Татуировкой украшали свое тело некоторые офицеры, но наиболее широко эта практика распространилась среди нижних чинов.

Наиболее ранние обнаруженные свидетельства о бытовании среди матросов обычая татуировки относятся к 1887 г. 1 ноября этого года начальник Бобруйского дисциплинарного батальона подполковник Успенский сообщил начальнику 6-й местной бригады об обнаружении на теле матросов, поступивших на заключение в батальон, татуировки.

«При телесном осмотре заключенных вверенного мне батальона оказалось, что почти все нижние чины, прибывшие из флота, раскрашены

какою-то едкою краскою в роде татуировки, причем изображения на теле бывают различные: крест, Богоматерь, Всевидящее Око, якоря с цепями, голые женщины в соблазнительных позах и даже фигуры, производящие акт совокупления»⁴.

В январе 1888 г. начальник Главного морского штаба вице-адмирал Н.М. Чихачева, ссылаясь на решение управляющего Морским министерством, распорядился «воспретить нижним чинам /.../ татуировку, уничтожив эти знаки, у кого окажутся при осмотре в командах» и потребовал от командиров флотских экипажей и командиров судов во время плавания «иметь за этим строгое наблюдение»⁵.

На это распоряжение своеобразно отреагировал главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал С.П. Шварц. В письме Чихачеву от 18 марта 1888 г., Шварц, утверждая, что «татуировка распространена между моряками всех стран», высказался об отсутствии причин «к тому, чтобы запрещать нижним чинам морского ведомства нанесение вообще каких-либо рисунков на теле». По мнению Шварца, «возможно лишь требовать, чтобы не допускались изображения на теле, оскорбляющие чувство нравственности, и в случаях, когда /.../ окажутся на теле у кого-либо из нижних чинов вытравленные рисунки безнравственного содержания, то такие изображения могут быть зачерчиваемы посредством новой татуировки»⁶.

Новые свидетельства о матросских татуировках относятся к началу XX века. В июне 1913 г. исполняющий должность начальника штаба Кронштадтского порта капитан 1 ранга А. Г. Бутаков сообщил в штаб Морских сил Балтийского моря о том, что при медицинских осмотрах матросов обнаружено много людей с татуировкой на теле. Рисунок татуировки, писал Бутаков, «в большинстве случаев выполнен с большим искусством»⁷.

Исполняющий должность начальника штаба командующего Морскими силами Балтийского моря капитан 1 ранга Л. Б. Кербер 1 июля 1913 г. отдал

распоряжение о запрете татуировки и о наложении взысканий на татуированных нижних чинов⁸.

Упоминания о других нарушениях предписанного внешнего вида и формы одежды в источниках дореволюционного периода редки.

Смена политического режима в России сначала в феврале, затем в октябре 1917 г. привела и к изменениям в военной форме и ослабила, а затем на некоторое время и вовсе ликвидировала какие-либо требования к атрибутам этой формы и вообще к поведению и внешнему виду военнослужащих. Один из современных исследователей отмечает, что признаком радикальной революционности стал протест против военной формы вообще⁹.

Именно к этому времени относится и цитата из «Окаянных дней» И.А. Бунина, приведенная нами в начале статьи. Она является одним из многих свидетельств формирования в матросской среде явления, получившего у некоторых современников название «клёшничества» по наиболее характерному или, может быть, просто бросавшемуся в глаза наблюдателям признаку – расклепанным, преувеличенно широким в их нижней части матросским форменным брюкам.

М.Д. Бонч-Бруевич колоритно рисует облик и поведение клешников, состоявших в отряде П.Е. Дыбенко в февральские дни 1918 г. «Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными «братишками» и не внушал мне доверия: достаточно было взглянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными немецкими частями не смогут»¹⁰.

Вместе с отрядами революционных матросов клёшничество растеклось по стране. Немало матросов-клёшников было, например, среди идейных сподвижников Н.И. Махно — анархистов. Вероятно, под их влиянием и по их примеру некоторые махновцы, даже не являвшиеся матросами, носили

флотскую форму, называли друг друга «братишками», любили плясать матросские танцы¹¹.

Писатель К.Г. Паустовский писал, вспоминая свою встречу с отрядом махновцев на одной из железнодорожных станций на Украине:

«/.../ пронесся худой горбоносый матрос с длинной, как у жирафа, шеей, в разорванном до пупа тельнике. Очевидно, тельник был разорван нарочно, чтобы всем была видна пышная и устрашающая татуировка на груди матроса. Я не успел ее рассмотреть. Помню только путаницу женских ног, сердец, кинжалов и змей. Сизый пороховой рисунок татуировки был сдобрен розовой, как земляничный сок, краской. Если у татуировок бывает стиль, то это был стиль «рококо»¹².

Политработник Балтийского флота С.В. Фоменко описывал внешний вид матросов, участников Кронштадтского восстания 1921 г.: «Представьте себе матросов нового типа, называемых на морском жаргоне «Жоржик» - по пояс декольтированных, в фуражке, как водится, без подкладки и в беспорядке, скомканная, еле держится на затылке, бушлат, как водится, всегда нараспашку, с наганом, висящим в центре живота. Одним словом, уморительные рожи»¹³.

По мнению современников, активизация клёшничества предшествовала Кронштадтскому восстанию 1921 г. и была непосредственно связана с его причинами, как их видели авторы 1920-х годов. А важнейшей причиной кронштадтских событий их современники считали изменение социального состава и политических взглядов матросов Балтийского флота в годы Гражданской войны. Поворот в настроениях матросов сразу же попытались объяснить сменой состава матросов Балтийского флота за годы Гражданской войны, появлением среди них политически незрелых новобранцев.

Один из авторов, писавших по горячим следам событий, так попытался объяснить феномен изменения матросских настроений:

«/.../ Красный флот потерял значительную часть своих стойких товарищей — бойцов за власть Советов. /.../ Редели ряды старых военных

моряков и оттого, что часть их, уставших от царской муштровки и не понявших важности момента, ушла по домам. /.../. Пополнение производилось отчасти притоком добровольцев, отчасти партийной мобилизацией членов РКП; главную же массу пополнения представляли мобилизованные красноармейцы, однако последняя часть почти полностью представляла из себя нестойкий элемент в политическом отношении /.../. /.../ Пополнение /.../ было неудовлетворительно как в техническом, так и в политическом смысле, что и повлекло за собой участие части военморов в Кронштадтском мятеже»¹⁴.

Подобная точка зрения долгое время считалась традиционной. Но недавние исследования показали, что главными действующими лицами Кронштадтского восстания были матросы линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», на которых старослужащие составляли 4/5 команды¹⁵. Этот факт подтверждает предположение о том, что клёшничество возникло не на пустом месте, а стало продолжением и развитием явлений, перешедших в советский флот из дореволюционного.

Следует коснуться вопроса о связи клёшничества и уголовной субкультуры. Субкультура матросов взаимодействовала с уголовной субкультурой еще в начале XX в. связи с этим необходимо вспомнить такую категорию заключенных российских тюрем, как нижние чины флота, содержащиеся в исправительных учреждениях морского ведомства¹⁶.

Некоторые свидетельства позволяют утверждать, что в стенах этих учреждений формировался специфический тюремный социум, которому были присущи многие черты, свойственные такого рода сообществам. Например, к 1913 г. относится упоминание о том, что на судах флота можно было услышать тюремные песни и даже тюремный жаргон, усваиваемые матросами от «завсегдаев» исправительных учреждений, возвращавшихся в свои команды для продолжения службы¹⁷.

В 1920-е годы клёшниками часто именовали представителей блатного мира. Об этом, свидетельствует, в частности писатель В. А. Каверин,

изучивший в 20-е годы нравы уголовников и блатной жаргон в связи с написанием повести «Конец хазы». Так, Каверин описывает бандита «в брюках с таким клешем, что нога болталась в них, как язык в колоколе»¹⁸. Любопытно, что героем фильма режиссеров Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга «Чертово колесо» (другое название «Матрос с Авроры»), поставленного по мотивам повести Каверина, стал именно матрос, связавшийся с уголовниками.

Подобные черты внешнего вида хулиганов 1920-х годов рисуют и некоторые воспоминания: «Носила эта братия широченные брюки клеш, да еще почище, чем у матросов. С наружной стороны штанины, снизу делался надрез, в который вшивался клин из черного бархата»¹⁹.

Источники первой половины 1920-х годов говорят о широком использовании тюремного жаргона некоторыми матросами. «Прислушаемся, как порой разговаривают отдельные моряки /.../, - писал один из авторов в 1924 г., - Не сразу поймешь, где находишься: на советском ли корабле или... в тюремной камере, в которую упрятан добрый десяток самых отъявленных «рыцарей с большой дороги».

«Слышь, форс займем, потопаем буснуть! Клево! - Пытаешь газанем». «Эй, гони сюда бубон, подрубаем». В переводе с «великого» на простой русский язык все это обозначает: «Слышь деньги получим, пойдем выпьем! Хорошо?» «Конечно выпьем». «Эй подай сюда хлеб, поедим».

Далее приведен список слов блатного жаргона, использовавшихся краснофлотцами: «барахло» - одежда; «шкары» - брюки; «колеса» - ботинки; «ксива» - документ; «форс» - деньги; «мент» - милиционер; «ботать» - говорить, рассказывать. «Стоит ли продолжать этот «изысканный» словарь тюремно-воровского, каторжно-хулиганского жаргона!», – восклицает автор заметки²⁰.

Первые годы после Кронштадтского восстания были отмечены борьбой военно-морского руководства и политических органов за укрепление дисциплины среди личного состава и против того, что относилось, согласно

терминологии того времени, к «отрицательным явлениям, перешедшим в советский флот из царского».

Один из авторов журнала «Красный Флот» за 1924 г. призывал искоренить «/.../ те пережитки и то наследие, которое вместе с материальной частью (техникой) и кадровым личным составом преемственно досталось от старого царского флота /.../»²¹.

Главными из этих «пережитков» упомянутый автор называл ругань и блатной жаргон, а также татуировку. Последняя упоминалась в качестве «скверной традиции» и в одном из документов 1926 года, посвященном флотским традициям, сохранившимся с дореволюционных времен²².

В одной из заметок в «Красном Флоте» отмечалось, что кампания борьбы против татуировки велась по инициативе самих военных моряков, прежде всего, комсомольцев. В той же публикации сообщалось об активизации борьбы со сквернословием. «Сейчас кампанию борьбы со сквернословием ведут стенгазеты отряда судов «Наша Заря», стенгазета эсминца «Альтфатер» и другие. Правда, борьба еще находится в зачаточном состоянии, но она все дальше и глубже захватывает флот»²³.

В то же время следует отметить, что клёшничество имело идейных защитников среди представителей новой советской интеллигенции. Одним из них можно считать Михаила Мироновича Цвибака (1899-1937). Выходец из мелкобуржуазной среды, состоявший в 1917-1918 годах в партии эсеров, он в 1921 г. стал большевиком. Цвибак, некоторое время служивший политработником в Балтийском флоте, в 1923 г. окончил историческое отделение факультета общественных наук Петроградского университета и был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию. В 1925 г. стал заместителем декана факультета языкознания и материальной культуры, в состав которого входила кафедра русской истории, а затем доцентом этой кафедры²⁴.

Сохранившиеся свидетельства рисуют внешность и манеру поведения Цвибака в эти годы как типично клёшнические. Он «демонстративно

расхаживал по университетскому коридору в распахнутом бушлате, в матросской тельняшке, с голой грудью, в матросской шапочке с лентами и широченных брюках-клеш /.../ и изображал из себя лидера «классовой борьбы» на факультете»²⁵.

Не был ли Цвибак в числе тех, о ком говорил в 1924 г. партийный деятель А.А. Сольц, выступая в 1924 г. перед слушателями Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова: «Если внешний облик члена партии говорит о полном отрыве от трудовой жизни, то это должно быть некрасивым, это должно вызывать такое отношение, после которого член партии не захочет так одеваться и иметь такой внешний облик, который осуждается всеми трудящимися...»²⁶.

Своих защитников находил и блатной жаргон. Отмечалось, что «некоторые товарищи не только изъясняются с помощью этого жаргона, но под многие из его словечек пытаются подвести «классовую базу». В качестве примера приводился некий корреспондент газеты «Красный Балтийский Флот», защищавший право использовать элементы жаргона в своих публикациях и заявлявший:

«Почему нельзя писать так, как говорит большинство /.../? Что-ж мы будем употреблять изысканные аристократические выражения? Надо помнить одно, что газета должна говорить языком массового читателя, а не измышленно-литературным. Мы не должны стыдиться улицы. Кому улица, а нам дом родной...»²⁷.

Подобные попытки встречали осуждение. Автор цитируемой статьи в связи с этим писал: «Кто принес на флот все эти «шкары», «колеса». «ксивы» и прочую «блатную» музыку? /.../ Те 15 тысяч хулиганов, пьяниц, воров, грабителей /.../. Те 15 тысяч, на совести которых был и Кронштадт и вся липкая грязь, потребовавшая самой суровой, беспощадной и решительной фильтрации. Мы от жулья избавились, мы имеем прекрасный революционный личный состав. /.../ А вот проклятый жаргон еще остался. И

таким же каленым железом воли, мысли и революционного хотения его нужно выжигать»²⁸.

Наряду с эпатажным внешним видом и использованием блатного жаргона к чертам клёшничества современники относили агрессивное и вызывающее поведение военных моряков на берегу, особенно по отношению к женщинам. «Иные построятся в боевую колонну. Проходят мимо девицы, общим хором какие-нибудь мерзости отмачивают»²⁹.

В заметке 1926 года сообщалось о создании на одном из кораблей «ассоциации рыжих», поставившей своим девизом «Краснофлотец на берегу должен быть грубым и злым»³⁰.

Субкультура матросов нашла отражение и в их песенном творчестве. В качестве примера в одной из публикаций 1927 года приводились фрагменты текстов матросских песен «Клеш» и «Кронштадтское танго».

«Ах, клеш широкий, —

В нем смысл глубокий...»

«Наш клеш широкий — коммуны знамя —

Огнем горит, как будто пламя —

Широкий клеш и папиросы —

Душа военного матроса»³¹.

Во второй половине 1920-х годов упоминания о явлениях, свойственных клёшничеству, все реже встречаются в источниках. По-видимому, матросская субкультура становится в этот период маргинальной и перестает восприниматься командованием флота и политическими органами как что-то связанное с чуждыми советской идеологии взглядами. Упоминания начинают приобретать примирительный и даже отчасти комический характер.

Так, в заметке 1927 года можно прочитать:

«26 мая 1927 года в 13 часов 45 минут на площади Труда шествовал краснофлотец в высоких зимних галошах с огромным черным зонтиком над майской своей, белофуражечной головой. Автор этих строк следовал за ним

/.../, считая встречающихся товарищей комполитсостава. Их было семнадцать. Замечания никто не сделал, тогда терпение у автора лопнуло, и краснофлотец отправился дальше в более приличном виде, более похожим на моряка, нежели на цирковой номер»³².

Судя по имеющимся данным, к концу 1920-х годов настойчивая борьба командного состава флота и политических органов по укреплению дисциплины стала приносить результаты. Борьба против нарушений формы одежды, татуировки, сквернословия и блатного жаргона привела к тому, что эти явления постепенно «ушли в подполье», утратив роль непрременных и постоянно демонстрируемых элементов облика и поведения матросов. Впрочем, окончательно упомянутые явления изжиты не были, а продолжали в скрытой форме бытовать в матросской среде. Бытуют они и до сих пор.

Основываясь на сделанных выше наблюдениях, мы можем предположить, что клёшничество было не особой революционной субкультурой, а этапом в развитии субкультуры матросов военно-морского флота. Формирование матросской субкультуры следует отнести к второй половине XIX в. Революционные события лишь сняли дисциплинарные барьеры на пути радикализации, если можно так выразиться, этой субкультуры, принявшей в годы Гражданской войны наиболее крайние, эпатажные формы. Возвращение российского общества, на новой идеологической основе, к жестким стандартам поведения и внешнего облика людей привело и к затуханию клёшничества во второй половине 1920-х годов. Впрочем, отдельные проявления матросской субкультуры продолжали бытовать и позднее. Этот факт подтверждает то, что некоторые черты социально-психологического облика членов тех или иных общественных групп и связанные с ними традиции и поведенческие практики нередко сохраняют устойчивость на протяжении длительного времени, несмотря на смены политического режима и другие перемены в обществе.

-
- ¹ Бунин И. Окаянные дни // Бунин И. Окаянные дни; Горький М. Несвоевременные мысли / Предисловие и примечания О. Михайлова. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 94.
- ² См., напр.: Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- ³ Кураев М.Н. Капитан Дикштейн // Кураев М.Н. Питерская Атлантида: повести и рассказы. СПб.: Лениздат, 1999. С. 205.
- ⁴ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6649. Л. 2-3.
- ⁵ Там же. Л. 25-25об.
- ⁶ Там же. Л. 22-22об.
- ⁷ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 194. Л. 166, 166об.
- ⁸ Там же. Л. 220.
- ⁹ Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России. 1917-1921. М.: Квадрига; Русская панорама, 2011. С. 99.
- ¹⁰ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1957. С. 260-261.
- ¹¹ Елизаров М.А. Революционные матросы и анархистское движение Н.И. Махно // Военно-исторический журнал. 2007. № 7. С. 37.
- ¹² Паустовский К. Г. Повесть о жизни // Паустовский К. Г. Собр. Соч. в шести томах. Т. 3. М.: Гос. Изд-во худ. Лит., 1957. С. 762.
- ¹³ Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1999. С. 617.
- ¹⁴ Чулков А. Оздоровление личного состава флота // Красный Флот. 1923. № 1-2. С. 27-28.
- ¹⁵ Елизаров М. А. Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 года // Отечественная история. 2004. № 1. С. 167-168.
- ¹⁶ Подробно об исправительных учреждениях морского ведомства см.: Бочаров А. А. Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России (1864-1916). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: С.-Петербургский университет, 2005; Бочаров А.А. Из истории дисциплинарных воинских частей военно-морского флота Российской империи // Военно-исторический журнал. 2009, № 2. С. 42-45.
- ¹⁷ А. Г. [Герасимов А.] От переводчика // Система наказаний в применении к солдатам и матросам – полковника Хэн / пер. с англ. А. Герасимова // Морской сборник. 1913, № 1. Неоф. отдел. С. 79. Упомянутая тюрьма находилась на острове «Новая Голландия» в Петербурге.
- ¹⁸ Каверин В.А. Конец хазы // Каверин В.А. Собр. Соч. в 8 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1980. С. 279-280.
- ¹⁹ Цит. по: Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 61.
- ²⁰ Валь В. Быт, выведенный из безмолвия // Красный Флот. 1924. Кн. 8. С. 10.
- ²¹ Лукашевич С. В борьбе за новый быт // Красный Флот. 1924. № 3. С. 10-11.
- ²² РГАВМФ. Ф. Р-34. Оп. 2. Д. 1304. Л. 104.
- ²³ Жизнь и быт Красного Флота. Черноморский флот // Красный Флот. 1923. № 8. С. 105, 108..
- ²⁴ Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. С. 187.
- ²⁵ Там же. С. 188. О дальнейшей судьбе Цвибака см.: Там же. С. 189, 193-194.
- ²⁶ Цит. по: Лебина, Чистиков. Обыватель и реформы. С. 61-62
- ²⁷ Валь В. Быт, выведенный из безмолвия // Красный Флот. 1924. Кн. 8. С. 10.
- ²⁸ Там же. С. 11.
- ²⁹ Прохожий. Наши уродцы // Красный Флот. 1923. № 8. С. 115.
- ³⁰ Поморцев В. Строится ли у нас новый быт? // Красный Флот. 1926. Кн. 12. С. 87-93.

-
- ³¹ В. П-в. «Андреевский флаг» ... в 1927 году (о краснофлотских песнях) // Красный Флот. 1927. № 8. С. 47-51.
- ³² С.И.А. О выправке // Красный Флот. 1927. Кн. 16. С. 56-57.